

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-675-684

Научная статья

Билингвизм и транслингвизм в новейшей литературе

С.В. Ананьева

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова,
Республика Казахстан, 050010, Алматы, Курмангазы, 29
 svananyeva@gmail.com

Аннотация. В условиях постковидного общества, постграмотности формируется новое исследовательское поле, соединяющее полилингвильность, мультимодальность и поликультурность. Изменение мира детерминирует трансформацию принципов диалогичности под влиянием единого глобального коммуникативного пространства, исключение вариантов развития отношений от толерантности к конфликтности. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствует раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнуют Б. Кенжеева, А. Кима, Г. Бельгера. Билингвизм рассматривается как средство межкультурного трансфера; транслингвизм — как применение языка (родного или приобретенного), позволяющего зашифровать в тексте иную культурную реальность. Методы, использованные в работе: метод мифопоэтического анализа, дескриптивный метод, герменевтический метод. Результат исследования показал, что конфигурации нескольких языковых картин мира создают в художественном тексте особые образы мира, которые не могут быть отнесены к монокультурной «сетке координат». В творчестве указанных поэтов и писателей наблюдается смешение кодов в контексте транслингвильного дискурса, когда сквозь русскоязычный текст транслируются константы иной этнопоэтической реальности.

Ключевые слова: национальный образ, транскультурализм, национальная литература, этничность, граница, концепт внемодности, диалог культур, дискурсивный мир

История статьи: поступила в редакцию 04.02.2022; принята к печати 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Ананьева С.В. Билингвизм и транслингвизм в новейшей литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 675–684.
DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-675-684

© Ананьева С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Bilingualism and Translinguism in Contemporary Literature

Svetlana V. Ananyeva ✉

M.O. Auezov Institute of Literature and Art,
29, Kurmangazy, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan
✉ svananyeva@gmail.com

Abstract. In the post-Covid and post-literacy contexts, a new research field is being formed that combines multilingualism, multimodality and multiculturalism. The change in the world determines the transformation of the principles of dialogicity under the influence of a single global communication space, the exclusion of options for the development of relations from tolerance to conflict. B. Kenzheev, A. Kim, G. Belger write about the search for answers to the most important questions of our time, the challenges of globalization and how it contributes to the disclosure of the ethnocultural world, the universal and global concerns. Bilingualism is seen as a means of intercultural transfer; translinguism — as the use of a language (native or acquired), which makes it possible to encrypt a different cultural reality in a text.

Key words: national image, transculturalism, national literature, ethnicity, border, dialogue of cultures, discursive world

Article history: received 04.02.2022; accepted 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Ananyeva S.V. 2022. “Bilingualism and Translinguism in Contemporary Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 675—684. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-675-684

Введение

В условиях пандемии происходит проверка на прочность международного научного и литературного сотрудничества, издательских и переводческих контактов. В отличие от Г. Блума, который акцентирует внимание на «постоянном „хождение“ книги, переводного текста в пределах соответствующего языка» [1. С. 329], считая весьма редким явлением «устойчивое признание книги вне пределов того или иного языка» [1. С. 329], в данной статье с учетом существующих методологических подходов предпринята попытка перехода от поверхностного осмысления литературных взаимосвязей к их глубинной рефлексии.

Металитературная активность современного писателя, литература как феномен гуманизма, константные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества противостоят западным концепциям творческого искажения и страха влияния. Харша Рам (UC Berkeley) изучает культурные мифы, теорию транснационализма, модернизм, сравнительную поэтику и поэзию О. Сулейменова, его монография “The Imperial Sublime: A Russian Poetics

of Empire” [2] стала финалистом AATSEEL в номинации «Лучшая книга о славянских литературных и культурных исследованиях».

Международные научные семинары “History and modernity in the works of Korean writers of Uzbekistan, Kazakhstan and Russia” (Ташкент, 2014); «Литература и общество: корейцы СНГ» (Республика Корея, университет Конджу, 2014), ASN World Convention (Columbia, Harriman Institute, 4—6 may 2017), онлайн мероприятие «Русскоязычные голоса: слова и миры русскоязычной литературы» (ZOiS, Берлин, 13 сентября 2020) по проблемам мультикультурализма и мультиэтничности, как и функционирующая в Стэнфордском университете литературная лаборатория Ф. Моретти по distant reading, научные труды Miriam Finkelstein (University of Graz), Marco Puleri (University of Bologna) по гибридным идентичностям и нарративам в постсоветской культуре, дают лишь точечные комментарии по культурной истории и культурной интеграции. Процессы глобализации, ориентированные на распространение однородных культурных образцов (массмедиа, вестернизация), создание единого мирового пространства, приводят к стиранию границ, что усугубляется интенсификацией международных миграций.

Обсуждение

В современном транснациональном гуманитарном и литературном пространстве глобальная литература, формирование литературного канона создают «территориально-временное поле, охватывающее многие политические и культурные единицы» [3. С. 75]. Согласно теории Ф. Моретти, ускорение эволюции литературных форм, наиболее интересные литературные открытия происходят на основе связи «заимствованных форм и местного стиля» [4. С. 50].

«Вновь на родное пепелище...» возвращается «старик усталый» — лирический герой одноименного стихотворения Бахыта Кенжеева. «Черный, алый и безнадежный...»¹ — именно в такой последовательности выстроена цветовая гамма восприятия родных мест. Придя полюбоваться, он видит ворона, воинов и звезды.

Ворон воеет,
в могилы воины ложатся,
лишь звезды смерти не страшатся,
нетленной памяти не ищут,
не то что бедный астероид².

Звезды, как люди, «молчат и не умеют плакать». Тема звездных светил продолжается и далее, возвращая лирического героя в детство (елка, рубиновая игрушка):

Они — особые планеты,
серебряной волшебной пулей
прибитые к небесной тверди

¹ Кенжеев Б. Вновь на родное пепелище... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 411.

² Там же. С. 411.

подобно прикрепленной к елке
рубиновой игрушке или
немолодому вурдалаку
в ночной осиновой могиле.

Мифологические и сказовые / сказочные мотивы (немолодой вурдалак в ночной осиновой могиле) доходят в финале до завершающего аккорда: «На ощупь петь любовь до гроба, / до цвета черного любовь».

Тема детства и звездных пространств проходит красной нитью в стихотворениях «Среди длинных рек, среди пыльных книг...», «Оскудел я сердцем...», «Вот элемент пейзажа, чтобы унять глаза...», «Душа моя тянется к дому».

Вроде и привык ко всему человек-песок в стихотворении «Среди длинных рек, среди пыльных книг...»,

Но его язык вспоминает сдвиг, подвиг, выцветший черновик,
поздний запах моря, родной порог, известняк, что не сохранил
отпечатков окаменевших строк, старомодных рыжих чернил¹.

На родину, в ковыльную и полынную степь, в горы, на берега рек и озер Казахстана возвращаются поэты и персонажи их произведений. Тема родины, концепты дома, казахской степи неотрывны от других мотивов. Великая степь хранит прошлое, а созвездия ведут «первый спор — кто волчонок, а кто щенок»².

Реальные время и место не столь важны, Б. Кенжеев создает картины вселенского масштаба:

В неурочный час сочинитель звезд робко бодрствует, потому
что влачит его океан, влечет, обольщает, звенит, течет —
и живой земли голубой волчок колыбельную песнь поет.

Точен и образен синонимический ряд, воссоздающий мощь океана: *влачит, влечет, обольщает, звенит, течет...* Венец творения — живой земли голубой волчок, исполняющий колыбельную...

Мотивы вечности и возвращения в детство — концептуальны в поэзии Б. Кенжеева. Как признание автора звучит название стихотворения по его первой строчке «Оскудел я сердцем...». Но вспоминается жестяной игрушечный грузовик из детства и у матушки лунный камень, «будто полный месяц над янтарной рекой / в черно-серой оправе из межзвездного мельхиора»³.

Отраженный, полузабытый свет таинственного, согревая лирического героя, в то же время «никого не ждет, ничего не ищет»⁴.

Мгновенная зарисовка, сопровождаемая риторическим вопросом, остается в памяти читателя.

¹ Кенжеев Б. Среди длинных рек, среди пыльных книг... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 411—412.

² Там же.

³ Кенжеев Б. Оскудел я сердцем... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 412—413.

⁴ Там же. С. 413.

И когда я свой грузовичок на лохматой бечевке вез
по ухабам отечества, он дребезжал, болезный,
проржавел от влаги, облез, лишился колес —
а таинственный камень знай тускло сиял над бездной
на безымянном (как все мы в грядущем, нет?)
пальце матери¹.

Б. Кенжеев — мастер пейзажных описаний с глубоким философским подтекстом.

Пригород. Дым древесный, тот, что очей не ест.
Чинный собор воскресный, колокол, медный крест.
И от мороки снежной слабых, коротких дней
Прошлое безмятежней, будущее темней².

Родина снится вору сердобольному («Душа моя тянется к дому...»), как «раньше мерещилась» автору стихотворения. Следует неутешительный вывод:

Разорванного не заштопать, и новой заплате не лечь
на ветхую ткань золотую. И с прежним душевным трудом
мы странствуем, любим впустую, второго пришествия ждем³.

Концепт путешествия, странствования порой трансформируется в художественных текстах в концепт бездомья.

Творчество прозаика, переводчика, публициста, эссеиста, литературного критика и литературоведа Г. Бельгера развивалось в контексте мирового литературного процесса, художественно переплавляя традиции немецкой, русской и казахской литератур. Многие были обусловлены евразийским мировосприятием писателя, что позволяло соединять восточные (азиатские) и западные (европейские) культурные традиции. Русский язык его творчества, как и немецкий и казахский, играл особую роль в социокультурном пространстве Евразии.

Большую часть творческого пути Г. Бельгера три вида литературного творчества (переводческая деятельность, проза и публицистика) существовали параллельно. Масштабность звучания и своеобразная композиция характеризуют «Тихие беседы на шумных перекрестках», «Казахское слово», «Оду перевода», «Дом скитальца», «Туюк су» и другие его произведения. Точные критические выводы и обоснованные прогнозы на будущее отличали критику и публицистику Г. Бельгера.

Его проза эволюционировала от лаконичных новеллистических форм до развернутого повествования, от жизненного факта — до истории судьбы. Автобиографическое начало пронизывает все творчество писателя. Романное мышление определяет последние по времени создания произведения. Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа — ве-

¹ Кенжеев Б. Оскудел я сердцем... С. 412.

² Кенжеев Б. Вот элемент пейзажа, чтобы унять глаза... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 413—414.

³ Кенжеев Б. Душа моя тянется к дому... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 414—415.

душая в романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов». Дом скитальца — это его память.

Романное творчество удивительным образом соединило прошлое и современность. Тревога за судьбу казахского аула, где он вырос и окончил среднюю школу, — характерная черта эпических повествований Г. Бельгера. Разлад в доме, ауле, в себе самом — такова главная тематика и проблематика целого ряда его произведений. В романе «Разлад» — современный аул и современный город, неприкаянность старшего поколения, аксакалов, потерявших опору и цель в жизни. Прежние ценности и идеалы остались позади, что впереди — люди преклонного возраста, всю жизнь прожившие в благородном труде, понять не могут.

Концепты родины, памяти, дома, дороги — сквозные в богатейшем и разнообразном наследии, ибо «степь приняла в свои объятия всех обиженных и обездоленных в одночасье...»¹. И один из главных героев романа «Разлад» Карл Дегграф не представляет себе другую жизнь, вне аула, «без знакомых перелесков, степей и озера, привычных троп и людей с их столь понятными заботами... Он как бы пуповиной прирос к этой земле и обустраивать, облагораживать ее стало его долгом и потребностью».

Как последнюю земную обитель воспринимают родной аул старики-тамыры Карл и Мамбет Казиевич. Самым страшным на свете Карл называет одиночество, «когда ты никому не нужен... Когда становишься одиноким путником у погасшего костра, когда выпадаешь из времени... У каждого ведь свое время».

Хоми Бхабха связывает проблему идентификации с идеей продуктивной культурной гибридности, третьего времени-пространства, внемодности. Грани архетипа — «отчий дом» как ностальгия — свойственна ретроспективная модель развития, в которой одной из главных сюжетных основ становится мотив возвращения домой. Хоми Бхабха — «представитель национального меньшинства парсов, поселившихся в Индии в незапамятные времена, то есть „иной“ в индийской культуре, которая и сама являлась культурой колониальной. Он сделал головокружительную карьеру в американской академической среде, но его также отличает позиция культурного скитальца, существующего вне категории национального. Х. Бхабха стремится к выработке открытой теории, трактующей частное и универсальное не посредством бинарных оппозиций, а с помощью странствующей критической методологии, основанной на расшатывании границы между оригиналом и копией — культурой метрополии и культурой колонии. Предлагая рассматривать мировую литературу не в ячейках национальных традиций, а через призму „всеобщих культурных, политических, психологических влияний, закономерностей, понятий и тем — таких как историческая травма, рабство, геноцид, революция, террор, изгнание, потеря культурной идентичности“, Х. Бхабха привлекает внимание к тем, кто проскальзывал прежде между ячеек привычных логоцентрических интерпретаций, — иммигрантам, беженцам, поликультурным и полиязыковым авторам» [6. С. 105]. Х. Бхабха пишет об индивидуе эпохи глобализации, особой *внемодности*.

¹ Бельгер Г. Разлад. Алматы: Жазушы, 2008.

В литературе Казахстана архетип «дом» реализовался в творчестве Г. Бельгера (дом — саманная постройка в форме курджуна, дом-сакля, дом — убогая хибара, одинокая келья странника и др.), расширяясь до архетипа аула. Мотив дома становится ведущим в творчестве Ст. Ли, А. Кана, А. Шмидта и других авторов. В литературе США почти все современные писатели отмечают состояние внедомности. По словам доминиканки Хулии Альварес, «ее настоящий дом — не в реальном пространстве и среди определенной группы людей, а лишь в „воображаемом сообществе слов“». Мучительное вращение в новый топос, отмеченное ощущениями неприкаянности, тоски, отторжения, оставляет героинь карибской писательницы Джамейки Кинкейд, как и ее саму, в промежуточном состоянии непринадлежности: вест-индское изгнание оказывается неполным, не обрубает все концы, но и вращение в Америку тоже не абсолютно — золотой сон Нового Света становится раем не для всех, оборачиваясь самодовольной и невежественной Америкой, во многом лишь продолжающей уже знакомую логику колониализма».

Не перекликаются ли мотивы американских писательниц с творчеством Г. Бельгера: «Дом скитальца» — «Дом бездомного» (в немецком издании романа) — «Зов» и с поэзией А. Шмидта, название его поэтического сборника — «Здесь и там»¹. При этом «здесь» — это родной Казахстан, а «там» — это Германия. Мотив возвращения в отчий дом — основополагающий.

Г. Бельгер на примере творчества А. Шмидта пишет о глубоко угнездившейся генетической боли российского немца: «Он мыслит и пишет по-русски. Он, собственно, человек русской культуры. Он русский по своему духоустройству. Но чутко отзывается и на все немецкое. Получается, что среди русских он, пожалуй, немец. Среди немцев все-таки русский. Эта двойственность цельной природы — неотъемлемое свойство души»².

Яркое подтверждение авторитетного мнения Г. Бельгера — стихотворение «Пещера» А. Шмидта.

— Ты, русский, —
 Утверждают знающие меня немцы.
 — Ты — немец, —
 Внушают мне знакомые русские.
 — Я — никто, —
 Говорю я на всякий случай.
 И под циклопическими сводами пещеры
 Летучие мыши эха
 Испуганно вопрошают:
 — Кто?.. Кто?.. Кто?...

В романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Зов» сходятся воедино главные темы творчества Г. Бельгера. Это многоплановые произведения, с разветвленными сюжетными линиями, обладающие стройной композицией, они подводят своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень

¹ Шмидт А. Здесь и там. Алматы: Интерпринт, 2003.

² Бельгер Г. Читая Шмидта... // Бельгер Г. Постфактум. Алматы: Жазушы, 2007. С. 346—348.

художественного обобщения. В них отражены целые пласты народной истории: репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность.

Множество актуальных вопросов ставит в романе «Туюк су» Г. Бельгер. Некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость писателя, что он одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа — бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...»¹.

Современный российский прозаик А. Ким убежден, что «процесс творения не завершается последней точкой текста, оно продолжается в восприятии другого человека». Художник связан со своим временем, со своей эпохой. Эпоха глобализации, тоталитарных систем, как считает А. Ким, оказывает давление на человека. Главный конфликт человека и окружающего мира писатель видит в давлении мира на человеческую отдельность, в отчуждении личности, в полном безразличии к ней со стороны государственных структур, в их бездушии по отношению к отдельному человеку.

Философия экзистенциализма выработала следующую модель поведения человека: уйти в творчество, чтобы выстоять. Настоящий художник послан в мир, чтобы слышать окружающих и сказать человечеству новое. Об этом шла речь в Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова в рамках круглого стола, посвященного творчеству Кима. В эстетике современного писателя, переводчика, художника влечет не яркий символ вечного, а трепетный нюанс мимолетного. Тон его произведений окрашен печалью вселенского одиночества.

Современный философ-фантаст символически отражает в повести невидимок «Стена» последние дни советского общества. В романе-гротеске «Поселок кентавров» главный герой — советский обыватель. Роман «Радости рая» предупреждает о последствиях потери вселенского пути разумным человеком [6].

В «Радостях рая» Ангел-Хранитель интересуется у главного героя, зачем он, довольный своей жизнью, хочет на один день вернуться в детство? «Сощуришь слезящиеся от встречного ветра глаза», персонаж (он же нарратор. — С.А.) внимательно вглядывается «в то место у серых, с зелеными пятнами, гор Тюлькубаса, где произошел в эту жизнь. Местом этим было небольшое село Сергиевка». И отвечает: «Радостей рая нет на земле. И вообще, все, что испытал в этом мире и в сопредельных, было сном. Подлинным мне представляется только один день раннего детства. Вот и хочу побывать в нем»².

Ангел-Хранитель Сергей предупреждает, что если писатель в этом дне погибнет, то судьба его будет вырезана из Всемирной Паутины. Но пролетающий мимо XXI в. Архангел Сахлин (более высокого ранга, чем Сергей), «сотрясая гряды гор Алатау и всю прилегающую к ним обширную равнину в голубых лентах выющихся рек, в зеленых, желтых, бурых заплатах — цветущих, зрелых и вспаханных под

¹ Бельгер Г. Туюк су // Бельгер Г. Избранное. Сочинения в 10 т. Т. IV. Алматы: Балалар әдебиеті, 2010. С. 13—234.

² Ким А. Радости рая // Ким А. Радости рая. Владивосток: Валентин, 2013.

зьябь полей», пробил текст на языке вселенной всех миров: «Ты был писателем под моим покровительством. Ты хотел написать прекрасные книги прекрасными русскими словами, и я тебе дал их». После «Острова Ионы» писатель пообещал не писать больше романов. «Но в промежутках, — напоминает Архангел Сахлин, — между переводами двух громоздких томов казахских эпических авторов ты, словно афганский душман, сажавший опиумный мак на тайном поле, возвращал урожай нового романа, начатого от двух утаенных от меня слов: РАДОСТИ РАЯ». Смерч Пляска, закружив с бешеной скоростью внутри гигантской воронки торнадо, «мигом вынес на высшие уровни космического бытия и широко развеял по невидимой, тонкой, как озоновая пленка, одномерной сфере Онлирии».

Билингвизм и транслингвизм в современном литературном процессе — особое преимущество, позволяющее расширить оптику анализа текстов в контексте культурного трансфера.

Заключение

Развитие гуманитарных наук, культуры и образования на основе гуманизации в современных условиях глобального культурного трансфера обуславливает действие интегративных тенденций в филологической науке.

Литературные контакты, культурные гибридные модели, поиск ответов на важнейшие вопросы современности способствуют раскрытию этнокультурного мира, позволяя передать национальный образ и национальное мироощущение. Предполагаем, что будет создана широкая диалоговая площадка для литературоведов, специалистов-филологов, культурологов и лингвистов по процессам би- и транслингвизма в современных национальных литературах.

Список литературы

1. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитоновой. М.: НЛО, 2019.
2. *Harsha Ram*. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. University of Wisconsin Press, 2006.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006.
4. Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчук, А. Шель. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
5. Глостанова М. Эра Эгасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 102—113.
6. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Собираетелъ слов: интервью с Анатолием Кимом // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. № 2. С. 271—278.
7. Глостанова М. Деколонильность бытия, знания и ощущения. Алматы: Целинный, 2020.

References

1. Blum, G. 2019. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekhn vremen*. Moscow: NLO publ. Print. (In Russ.)
2. Harsha, Ram. 2006. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. University of Wisconsin Press. Print.

3. Vallerstayn, I. 2016. Mirosystemnyy analiz: Vvedeniye. Moscow: Territoriya budushchego publ. Print. (In Russ.)
4. Moretti, F. 2016. Dal'neye chteniye. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara publ. Print. (In Russ.)
5. Tlostanova, M. 2003. "Era Egasfera, ili Kak sdelat' chitateley meneye schastlivymi". Inostrannaya literature 1: 102—113. Print. (In Russ.)
6. Bakhtikireeva, U.M., Valikova O.A. 2020. "Sobiratel' slov": interv'yu s Anatoliyem Kimom. Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki 2: 271—278. Print. (In Russ.)
7. Tlostanova, M. 2020. Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya. Almaty: Tsentr sovremennoy kul'tury "Tselinnyy" publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ананьева Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова МОН РК.

Bio Note:

Svetlana Viktorovna Ananyeva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and World Literature of the Auezov Institute of Literature and Art MES RK.